

Саркисян Н. М.

Научный сотрудник Университета Осло (Норвегия)

Nickolay.sarkisyan@gmail.com, тел.: +47 998 72 818

**«Февральские» истоки Государственного музея Революции: Общество дома-музея
памяти дворцов за свободу в марте 1917 — сентябре 1919 гг.**

Если отбросить одиозные точки зрения, согласно которым большевики остановили интеллектуальное развитие страны, то в современной историографии о культурной и научной (шире — в отношении интеллектуальных слоёв) политики советской власти 1920-х гг. существует тезис, согласно которому большевистский режим был комплементарен научным и культурным деятелям, преследовал с ними общие цели и проистекал из одного источника (проект европейского Просвещения). Однако большевики и интеллигенция (советская власть) при этом как бы противопоставляются: утверждается, что их сотрудничество носило временный и едва ли не вынужденный для обеих сторон характер самого начала¹. Я считаю, что разделение (и как следствие — противопоставление) большевиков и интеллигенции лишено эвристической ценности; революция 1917 г. и последующее создание Советского государства стали не только и не столько разрывом с предшествующей интеллектуальной жизнью страны, сколько оказались её подлинным воплощением и логическим завершением, а разрыв был принесён сталинизмом. Этот тезис я проиллюстрирую на примере петроградского Государственного музея Революции в 1919-1920-х гг., который в полной мере воплотил в себе народнический этос русской интеллигенции и стал не формальным, а сущностным правопреемником «либерального» Общества дома-музея памяти борцов за свободу, созданного в Петрограде вскоре после Февраля.

В марте 1917 года в Петрограде группой интеллигенции во главе с М. Горьким при непосредственном участии и всесторонней поддержке Академии Наук²

было учреждено Общество дома-музея памяти борцов за свободу. На приуроченном к открытию собрании выступал сам Горький: «Вот именно в интересах этого поколения будущих творцов русской культуры, нам необходимо принять все меры для того, чтобы оно поняло и оценило дар духа святого, великое наследство, созданное и оставленное нам погибшими и ещё живущими борцами за политическую свободу России»³. В «призыве гражданам», опубликованном Академией Наук, говорилось о необходимости воспитывать новое поколение людей, не затронутых порядками старого режима, и чтобы достичь этой цели, следовало создать галерею борцов за свободу, тех, кто сражался против самодержавия: «В нашем тёмном и печальном прошлом ярко сияют великие примеры гражданской доблести; эти примеры даны для нас погибшими борцами за свободу России!... В доме-музее, который мы предполагаем создать, должны быть собраны все документы по истории борьбы с монархическим режимом, портреты и биографии наших великих граждан, литература, посвящённые истории революционного движения...»⁴. Академия наук и Общество обращались к широкой публике для сбора экспонатов⁵.

Как создавался Государственный музей Революции (ГМР)? В мае 1919 г. в Петрограде состоялось совещание инициативной группы (куда входил и Горький), принявшей решение об открытии музея. Формально он был учреждён Петросоветом при непосредственной поддержке Г. Зиновьева в октябре-декабре (даты в источниках разнятся) 1919 г. Впоследствии, в 1920-х, утверждалось: «в прошлой истории музеев... подобного музея не было — не могло быть»⁶, что, конечно, не совсем так. Если Зиновьев и видел музей изначально чисто «партийным», на чём настаивал революционер В. Серж в своих мемуарах⁷, то таковым он не стал — и не мог стать. В своей деятельности и идеологическом содержании в первый период (в 1920-х гг.) ГМР смыкался с Обществом.

В январе в «Петроградской правде» опубликовали объявление о новом музее: «в бывших покоях кровавых императоров и... у стола где ими, быть может, подписывались смертные приговоры, будут висеть портреты Балмашева, Созонова, Каляева, Коноплянниковой, Перовской, Желябова, Шмидта и других

многочисленных мучеников революции как вечное напоминание о возмездии⁸». Идея торжества мучеников революции над сокрушённым самодержавием пересекается с содержанием призывов, выпущенных Обществом дома-музея в 1917 г.: «Начиная с Новикова, Радищева, жизнь русского общества освещали своим горением великие души Белинского, Чернышевского, Добролюбова, их энергией созданы плеяды людей шестидесятых и семидесятых годов, отсюда из этой уже глубокой дали, до нас дошли, ещё живут среди нас полусказочные люди, имена которых вы знаете»⁹. В печати звучали призывы «к собиранию памятников русской революции в самом широком смысле этого слова»¹⁰. ГМР называли «живым организмом, лабораторией революционной мысли»¹¹.

Общество дома-музея в мае 1917 года создало Комиссию личных опросов с целью собрать воспоминания тех, кто находился в Таврическом дворце в февральские дни. В дальнейшем были выпущены типовые опросные листы и сбор воспоминаний планировалось сделать систематическим¹², что отчётливо напоминает деятельность советского Истпарта.

То, что ГМР был изначально учреждён при поддержке государственных структур, а Общество нет, отнюдь не свидетельствует в пользу принципиальных различий: последнее просто не успело этого сделать, хотя такие голоса раздавались среди его членов¹³.

Преемственность наблюдается в кадрах двух музеев, хотя, разумеется, в этом отношении они не идентичны. Общество, конечно, было более «либеральным» по своему составу и наравне с Горьким включало в свои ряды и И. А. Бунина¹⁴, а также С. А. Венгерова, М. Винавера, С. П. Мельгунова, С. Н. Прокоповича, А. А. Шахматова, Н. С. Чхеидзе, К. С. Петрова-Водкина, С. Ф. Ольденбурга, Л. Н. Андреева, А. Н. Бенуа, Е. В. Тарле, В. И. Срезневского, С. Н. Валка, В. Н. Фигнер, М. В. Новорусского, Н. А. Морозова, П. Е. Щеголева и многих других¹⁵. Это не регулярные сотрудники, а участники учредительного собрания общества, члены попечительских органов, те, кто выразил солидарность с идеей создания музея, и т. д.

В рядах Коллегии ГМР с момента его основания оказались А. М. Горький, М. В. Новорусский, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Ф. Ольденбург, В. И. Срезневский, П. Е. Щеголев¹⁶, активно сотрудничал с ГМР историк С. Н. Валк.

Общество дома-музея так и не успело по-настоящему заработать, ни одной выставки там не провели, но собирательская работа велась достаточно активно вплоть до закрытия музея в 1919 г.¹⁷ Дарительницей Общества выступила А. Шакол, анархо-коммунистка, будущая научная сотрудница ГМР. В списках переданных обществу экспонатов нет или почти нет предметов «либеральных» политиков (например, деятелей кадетской партии). Коллекция носила народнический или шире — социалистический характер, это были личные вещи членов народнических организаций (включая шлиссельбуржцев), их печатная продукция¹⁸.

Что касается экспозиций ГМР в 1920-х гг., то реконструировать их содержание не так просто: в архивах мне не удалось обнаружить выставочных планов (как ни парадоксально, это гораздо проще сделать в отношении 1930-х гг.). Поэтому выявлять содержательную часть деятельности ГМР в 1920-х пришлось через структуру отделов, сведения о которых отложились в архивах.

В 1923 году «в секции революционного движения до 1905 года насчитывалось 14 подотделов, и только один из них был посвящён социал-демократической партии в целом»¹⁹. В секции «Великой Социалистической революции» уже появляется отдел Коммунистической партии (что неудивительно, учитывая её роль в этих событиях), но наравне существует и отдел «остальных партий»²⁰. Постепенно открывались тематические комнаты, посвящённые «первым дням октябрьской революции», группе освобождение труда и 25-летию РКП, зал памяти Ленина²¹, но всё это происходило наравне с изображением других, более широких сюжетов из истории русского революционного движения. Проводились восстановительные работы Трубецкого бастиона и Шлиссельбургской крепости, что пытался организовать ещё Новорусский в рамках Общества.

Народническая тема была ведущей в экспозициях музея. «Особенно хорошо представлено было восстание декабристов и революционное движение 70-80-х годов XIX столетия. Тогда ещё существовало Общество политкаторжан, ещё живы были многие участники тех событий, и люди эти были связаны с музеем, помогали ему, часто его посещали»²². В коридорах музея можно было запросто встретить беседующих друг с другом шлиссельбуржцев В. Фигнер и Н. Морозова (сотрудничавших и с Обществом дома-музея). Музей «создавали ... люди достаточно образованные, хорошо знавшие революционное прошлое России, многие его непосредственные участники»²³. В 1919-1933 гг. директором был М. Б. Каплан, определявший себя в анкете в качестве меньшевика²⁴.

Доминирование народничества (и вообще отсылки к связи с революционной историей) проявлялось, конечно, не в одном только ГМР. Так, был создан музей Кропоткина (образ которого умудрился пережить сталинизм), в 1930 г. в Храме Спаса на Крови предлагали открыть музей Народной Воли; в экспозициях московского Музея революции непосредственной предтечей Октября называлось Пугачёвское восстание, советский строй, утверждалось, является осуществлением мечты Ткачёва, а истоки марксизма в России необходимо искать в народническом движении²⁵.

Конец этому положила сталинская контрреволюция. В 1935 году Комиссия Ленгоркома ВКП(б) после проверки ГМР пришла к выводу, что «музей в настоящем его виде абсолютно не отвечает стоящим перед ним задачам... основное и центральное место в музее отведено народничеству, группе “освобождения труда” и истории других партий...»²⁶. Детальных претензий было найдено много, проверка кончалась такой резолюцией: «музей революции превратился по существу в музей, посвящённый народничеству»²⁷.

К сожалению, скудость источников с трудом позволяет восстановить целостную историю как непродолжительной деятельности Общества в 1917-1919 гг., так и ГМР в 1920-х гг. Однако в целом вырисовывается такая картина: ГМР стал воплощением устремлений русской интеллигенции (в массе своей левой, хоть и

не всегда прямо социалистической), которая задумывалась об истории собственной борьбы ещё до 1917 г. «Фактически коллекция появилась на свет в ... 1907 г. — на 12 лет раньше официального создания самого Музея Революции»²⁸. После 1905 г., в связи с возвращением из ссылки легендарных народников, и началась собирательская деятельность. М. Новорусский, впоследствии активный деятель как Общества, так и ГМР, вспоминал на открытии музея: «с того года, как я получил возможность жить в Питере, я не переставал собирать некоторые предметы, служившие памятником жизни моих товарищей, и препровождал их в Берлин, где образовывались зачатки музея русской революции...»²⁹.

Однако ГМР — не единственный пример воплощения дореволюционных проектов интеллигенции. Множество преобразовательных планов, созданных до 1917 г., получили государственную поддержку и смогли реализоваться только в 1920-х гг.

После Октября произошёл всплеск создания краеведческих музеев по инициативе местной интеллигенции (которая занималась этим ещё задолго до 1917 г.), что координировалось созданным в мае 1918 г. Отделом по делам музеев и памятников Наркомпроса³⁰, «экскурсионная работа была официально признана одним из элементов школьного образования», были созданы соответствующие государственные структуры³¹.

На 1920-е гг. приходится и расцвет инженерного дела. Как следует из ряда мемуаров и анализа «Вестника инженеров», техническая интеллигенция (в духе эпохи) склонялась в пользу активного вмешательства государства в экономику³², участвовала в дискуссиях о промышленном планировании в национальных масштабах³³, что у неё не встречало интереса у властей. Ситуация несколько изменилась с началом Первой мировой войны: в 1915 г. была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России³⁴, чьи сотрудники позднее участвовали в работе президиума ВСНХ³⁵. Более 40 исследовательских институтов были открыты в годы Гражданской войны, все они базировались на

собственных проектах технической интеллигенции³⁶, разработанных до революции, например, в рамках РТО и на всероссийских электротехнических съездах. Преемники съездов в 1918 г. вошли в Центральный электротехнический совет и стали будущими авторами ГОЭЛРО³⁷.

В 1918 г. было создано Центральное статистическое управление, во главе которого встал П. И. Попов, привлёкший на работу кадры из среды земских статистиков. Принципы, заложенные в основание советской статистики, дискуссии, которые велись в 1920-х, соответствовали международным стандартам того времени, «статистическая служба большевиков решительно вписывалась в статистический интернационализм эпохи, научный замысел и организационные принципы которого она принимает»³⁸.

Как отмечал историк советской науки, «ни одно правительство прежде в истории не было настроено столь открыто и энергично в пользу науки»³⁹. Чем объясняется такая политика? Большевики видели в науке ключ к решению не только чисто материальных задач, но и «духовных», и они были нацелены на такую реформу науки, которая бы возвела последнюю на общественный пьедестал⁴⁰. Исследователи отмечают, что своим идейным источником и дореволюционные просветители (разных политических взглядов), и коммунисты имеют европейское Просвещение с идеей прогресса во главе угла. И те, и другие «не видели проблемы в том, чтобы усовершенствовать человека и вывести его из невежества»⁴¹. Русская интеллигенция, в массе своей даже будучи беспартийной, отличалась, тем не менее, (стихийно) левыми взглядами, которые исследовательница советской культуры Катерина Кларк называет «романтическим антикапитализмом»⁴². И поэтому неслучайно у многих представителей культуры и науки возникали «проблемы» с самодержавием. На предложения реформ, например, инженерного образования⁴³, царизм отвечал репрессиями. Так, в 1911 г. по ряду ведущих учебных заведений страны прокатилась волна увольнений профессоров⁴⁴. С XIX в. преследованиям подвергалось дарвиновское учение⁴⁵, запреты вводились на работы физиолога Сеченова⁴⁶. Травле подвергался К. А. Тимирязев, А. Г. Столетов

(заболлотирован при избрании в Академию Наук, тяжело это переживал и в результате несвоевременно скончался), Д. И. Менделеев (заболлотирован), А. М. Бутлеров, В.В. Докучаев (вынужден был уйти со своего поста, что привело к нервному истощению и несвоевременной смерти), вынуждены были эмигрировать М. М. Ковалевский, С. Ковалевская, И. И. Мечников (второй русский нобелевский лауреат)⁴⁷.

Исследователи прямо пишут о том, что наука в 1920-х гг. «процветала»⁴⁸. Советская власть сразу взяла курс на кооптацию специалистов в разных сферах. «Эти люди, как и большинство специалистов в других областях, работавших во вновь создаваемых организациях, были выходцами из интеллектуальных управленческих элит Российской империи...»⁴⁹. Проекты преобразования науки, культуры, проекты памяти русской интеллигенции о борьбе с самодержавием были реализованы только в 1920-х после революции. В силу ограниченности места я могу только упомянуть прогрессивное гендерное законодательство⁵⁰, колоссальные достижения в области психологии⁵¹, реформы календаря⁵² и алфавита⁵³, масштабные эксперименты в театре, живописи, поэзии, архитектуре⁵⁴. Советская власть вовлекала в работу многочисленные группы деятелей науки, культуры, искусства, группы, которые формировались ещё при старом режиме, создавали свои проекты, но не могли реализовать их до революции. Это в полной мере применимо к Государственному музею Революции, который вобрал в себя представителей революционной интеллигенции разных направлений.

- 1 Плаггенборг, Штефан. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 245-246. Clark, Katerina. The King is Dead, Long Live the King: Intelligentsia Ideology in Transition. Paper at Conference "Russia at the end of the 20th Century", Stanford University, 1998. Retrieved from: http://web.stanford.edu/group/Russia20/volume/pdf/clark_fin99.pdf. P. 5-6.
- 2 Архив РАН СПб. Ф. 1, опись 1а, д. 164, л. 57.
- 3 ГАРФ. Ф. Р6685, оп. 1, д. 5, л. 2-3.
- 4 Архив РАН СПб. Ф. 1, опись 1а, д. 164, л. 59.
- 5 ГАРФ. Ф. Р6685. Оп. 1, д. 4, л. 8.
- 6 ГАРФ. Ф. 406, оп. 12, д. 1982, л. 2.
- 7 Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. Оренбург, 2001. С. 119.
- 8 Цит. по: Кониев А. В. Зимний дворец в послереволюционные годы. Открытие Музея Революции // История Петербурга. 2010, №2. С. 66.
- 9 ГАРФ. Ф. Р6685, оп. 1, д. 5, л. 1.
- 10 Артёмов Е. Г. К вопросу периодизации истории музея (1919-1989 годы) // Первый историко-революционный. Л., 1989. С. 21-22.
- 11 Артёмов Е. Г. Опыт прошлого, взгляд в будущее. Основные исторические этапы деятельности Музея // ГМПОР: 90 лет в пространстве истории и политики 1919-2009. СПб., 2010. С. 8.
- 12 ГАРФ. Ф. Р6685, оп. 1, д. 5, л. 7.
- 13 ГАРФ. Ф. Р6685, оп. 1, д. 1, л. 18.
- 14 Там же. Л. 30.
- 15 Там же.
- 16 ГАРФ. Ф. А2307, оп. 3, д. 268, л. 45; ГАРФ. Ф. А2307, оп. 10, д. 87, л. 3.
- 17 ГАРФ. Ф. Р6685, оп. 1, д. 9, л. 1, 39, 41.
- 18 Там же.
- 19 Саркисян Н. М. 1917 год в экспозициях Государственного музея Революции // Музей. 2016, №9. С. 10.
- 20 ГАРФ. Ф. А2307, оп. 3, д. 268, л. 29.
- 21 ГАРФ. Ф. А2307, оп. 10, д. 87, л. 2.
- 22 Рабинович М. Б. Воспоминания догой жизни. СПб., 1996. С. 135.
- 23 Там же.
- 24 ГАРФ. Ф. А2307, оп. 23, д. 62, л. 13.
- 25 Закс А. Б. Музеи исторического профиля в 1917-1934 гг. // История СССР. 1965, №5. С. 168.
- 26 ЦГАЛИ СПб. Ф. 285, оп. 1, д. 12, л. 2.
- 27 Там же. Л. 3.
- 28 Артёмов Е. Г. Опыт прошлого, взгляд в будущее. С. 8.
- 29 Там же.
- 30 Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. М., 1981. С. 89-90.
- 31 Березина В. А. Экскурсионная работа в 1920-х (на материалах Петрограда-Ленинграда). Диссертация на соиск. уч. степ. к.и.н. СПб., 2015. С. 170.
- 32 Bailes, Kendall E. Technology and society under Lenin and Stalin: origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917-1941. Ann Arbor: University of Michigan Library, 1978. P. 22.
- 33 Coopersmith, Jonathan. The Electrification of Russia, 1880-1926. Ithaca: Cornell University Press, 1992. P. 102.
- 34 Coopersmith, Jonathan. The Electrification of Russia, 1880-1926. P. 101.
- 35 Козлов Б.И. Вклад академии наук в индустриализацию России // Вестник Российской академии наук. 2000, т. 70, №12. С. 1061.
- 36 Bailes, Kendall E. Technology and society under Lenin and Stalin. P. 54.
- 37 Гвоздецкий В. План ГОЭЛРО : мифы и реальность // Наука и жизнь. 2001, №5. С. 102-109.

- 38Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М., 2008. С. 28-29, 32.
- 39Graham, Loren R. The Soviet Academy of Science and the Communist Party, 1927-1932. Princeton: Princeton University Press, 1967. P. 33.
- 40Ibid.
- 41Плаггенборг, Штефан. Революция и культура. С. 264.
- 42 Clark, Katerina. Petersburg, Crucible of Cultural Revolution. Cambridge: Harvard University Press. Cambridge, 1995. P. 15-16.
- 43Ibid. P. 30-32.
- 44Ibid. P. 33.
- 45 Харакоркин Л. Р. Чарльз Дарвин и царская цензура // Труды института истории естествознания и техники. 1960, № 31. С. 82; Ковалёв И. Ф. Преследования учения Ч. Дарвина царской цензурой // Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. VII. М., 1959. С. 410; Штейнберг В. А. Чарльз Скотт, его друзья и враги. О Карле Янсоне. М., 1983. С. 22-23.
- 46Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 163.
- 47Тарасов А. Н. Второе издание капитализма в России // Левая политика. 2008, №7-8 / http://scepsis.net/library/id_2973.html
- 48Krementsov, N. L. Stalinist Science. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 23.
- 49 Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине С. 28.
- 50Skjulestad, Jorun. A Necessary Evil? Continuity and Change in Russian and Soviet Abortion Discourse, 1910-1930. Master's Thesis. Oslo: University of Oslo. 2012. P. 21, 26, 41.
- 51Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. С. 165-193.
- 52Архив РАН СПб. Ф. 1, оп. 1а, д. 164, л. 56.
- 53Там же. Л. 96.
- 54Clark, Katerina. Petersburg, Crucible of Cultural Revolution. P. 34-36, 38-40, 53.